

миней, кондакариев, ирмологиев, стихирарей, октоихов, триодей, служебников и евхологиев изучены в отношении содержания и состава их текстов, в отношении их языка немногие единицы. Кроме изданных еще 80 лет назад новгородских служебных миней 1095, 1096 и 1097 гг.,²⁸ лишь в недавнее время появилась работа западногерманского слависта Эрвина Кошмидера, посвященная исследованию и изданию отрывков новгородского ирмология XII в. Уникальные памятники славяно-русского языка и письма, как например «Путятин миней» (хранящаяся в Отделе рукописей ГПБ), «Благовещенский кондакар» и «Толстовская псалтырь» (хранящиеся там же), как служебные миней, датируемые XI—XII вв. (находящиеся в Москве, в ЦГАДА), и многие другие, недоступны для широкого круга исследователей. Некоторые из подобных книг являются кроковыми и поэтому представляют интерес и с точки зрения истории музыки.

Третий род переводных произведений, которому также принадлежит весьма заметное место в хранилищах старинной славяно-русской письменности, — это памятники патристической литературы. Слова, проповеди, поучения создавались многочисленными раннехристианскими и византийскими деятелями церкви и неукоснительно переводились на славянский язык. В далеко еще не полностью учтенных и приведенных в известность списках «Изборников» и «Соборников», в «Торжественниках» и «Измарагдах», в «Златоструях» и «Златоустах», в «Златых цепях» и «Пчелах», в прологах и четьях-миней, в «учительных» евангелиях и апостолах мы встречаем сотни и тысячи переводных произведений этого рода книжности, в большинстве своем не изданных и не изученных.

Особая трудность при текстологическом изучении одного типа книжности заключается в том, что русские переводчики, редакторы и переписчики подходили к используемому ими материалу весьма свободно. Они изменяли по своему усмотрению не только языковые черты текстов, но и их содержание. Они обращались с этими произведениями как с собственным литературным достоянием, сокращали, дополняли глоссами и вставками из других произведений, приспособляя к понятиям, потребностям и вкусам современной им общественной среды и эпохи. Поэтому в массе памятников подобного рода мы обнаруживаем множество псевдэпиграфов, надписанных именами византийских, раннехристианских, а порой даже библейских религиозных авторитетов, в действительности же сочиненных южнославянскими или русскими проповедниками.

Так, в многочисленных рукописных сборниках, начиная с XIV в., можно встретить произведение, надписанное: «Слово с рыданием Исайи пророка о последних днях». Популярность этого памятника в связи с его эсхатологическим содержанием не ослабевала вплоть до XVII в., когда это «Слово» было включено в одно из старопечатных изданий «Евангелия учительного». Этот текст обычно рассматривается в качестве одного из ветхозаветных апокрифов и поэтому внесен в издание И. Я. Порфирьева.²⁹ Предполагалось, что это пророческое произведение обязательно должно было восходить к какому-то греческому оригиналу. Однако этого подлинника не удается отыскать. Вероятнее всего мы имеем дело с самостоятельным творчеством русского книжника. По содержанию и по стилю

²⁸ И. В. Ягич. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. См. также: С. Н. Азбелев. Отрывок славянской служебной миней XI—XII вв. — ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 432—435.

²⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877, стр. 263—267.